А.А. Пауткин (Москва, Россия)

Слово и изображение. Борисоглебские миниатюры Радзивилловской летописи и Сильвестровского сборника¹

Аннотация: В статье рассматриваются книжные миниатюры, отразившие историю убийства первых русских святых-страстотерпцев, из состава двух знаменитых иллюминированных рукописей – Радзивилловской летописи (кон. XV в.) и так называемого Сильвестровского сборника (кон. XIV в.). Миниатюры одной тематики показаны на фоне иконографической традиции, сложившейся за столетия почитания князей Бориса и Глеба. Характер отбора иллюстративного материала, образительная топка, соотношение рисунков с текстами позволяют сделать вывод о существовании жанровых требований, диктуемых самим типом произведений (летописная повесть – агиографическое произведение). Древнерусские художники испытывали влияние различных текстов, рассказывающих о Борисе и Глебе. Об этом свидетельствует контаминация мотивов и деталей, восходящих не только к самому иллюстрируемому памятнику. Поэтому древние книжные миниатюры не могут служить бесспорным основанием для определения хронологической последовательности появления основных памятников борисоглебского цикла.

Ключевые слова: Радзивилловская летопись, Сильвестровский сборник, книжная миниатюра, летописная повесть, житие, Сказание о Борисе и Глебе, борисоглебский цикл, иконография

A.A. Pautkin (Moscow, Russia)

Word and Image. Borisoglebsk Miniatures of Radziwiłł Chronicle and Sylvester Compilation (Silvestrovsky Sbornik)

Abstract: The article deals with book miniatures reflecting the history of the assassination of the first Russian saints-martyrs, from the two famous illuminated manuscripts – Radziwiłł Chronicle (Late 15 c.) and the so-called Silvestrovsky Sbornik (Sylvester Compilation, late 14 c.). Miniatures of one theme are shown against the background of the iconographic tradition that has developed over centuries of princes Boris and Gleb veneration. The nature of the selection of illustrative material, graphic topics, the ratio of drawings to texts allow us to conclude that there are genre requirements dictated by the type of works (chronicle story-hagiographic work). Ancient Russian artists were influenced by various texts telling

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на Ломоносовских чтениях в апреле 2019 г.

about Boris and Gleb. The evidence of this is the contamination of motives and details that go back not only to the illustrated monument itself. Therefore, ancient book miniatures can not serve as an indisputable basis for determining the chronological sequence of the appearance of the main monuments of the Boris and Gleb cycle.

Keywords: Radzivilovskaya chronicle, Sylvester Compilation, book miniature, Chronicle story, hagiography, the Legend of Boris and Gleb, Borisoglebsky cycle, iconography

Иконография первых русских святых весьма разнообразна. За столетия сложился целый ряд типов традиционных изображений Бориса и Глеба. Это поясные иконы, которые повлияли на религиозную живопись Нового времени (например, эскиз мозаики А.Н. Рябушкина для храма Спаса на Крови в Петербурге), образы страстотерпцев, представленных в полный рост, а также изображения князей-всадников. Нельзя не упомянуть и иконы с житием, где в клеймах воспроизведен ряд ключевых эпизодов агиобиографии святых. Более поздние изображения, относящиеся уже к началу XVII в., запечатлели князей вместе с равноапостольными Владимиром и Ольгой или только с их отцом Владимиром Крестителем. Историк В.П. Козлов приводит редкую миниатюру из сборника 1414 г., утраченного в 1812 г. вместе с собранием графа А.И. Мусина-Пушкина, скопированную для А.Н. Оленина. На ней Владимир обнимает за плечи маленьких Бориса и Глеба¹. В севернорусской традиции страстотерпцы появляются в одном из регистров икон XV в. «Знамение от иконы Богородицы», отображавших битву новгородцев с суздальцами.

В XX в. художники и скульпторы уже воспроизводили эпизоды из борисоглебской истории по «самомышлению». Появились картины, начиная с Н. Рериха, восходящие к тексту «Повести о житии Александра Невского», где Борис и Глеб плывут в ладье; житийно-живописное полотно С. Симакова (иеромонаха Рафаила), совмещившее в себе ряд жанров (1986 г.), и даже произведения трехмерной пластики (например, памятник святым в г. Дмитрове работы А. Рукавишникова, 2006 г.).

На этом фоне интересно обратиться к книжным миниатюрам на данную тему из двух выдающихся рукописей: Радзивилловской летописи и так называемого Сильвестровского сборника, – хорошо известных медиевистам.

Кратко напомним основные кодикологические сведения, касающиеся этих памятников. Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись датируется последним десятилетием XV в. (бумага польская, произведенная между 1487–1494 гг.). Она содержит 618 миниатюр и доводит изложение событий до 1206 г. Еще в 1697 г. ее видел Петр I во время своего Великого посольства. В 1761 г. после взятия русскими войсками Восточной Пруссии в ходе Семилетней войны летопись поступила в библиотеку Академии наук. По ней при издании обычно даются разночтения к Лаврентьевской летописи 1377 г. Лицевое летописание – явление древнее. Традиционно считается, что протограф, с которого копировался текст и рисунки, – список Владимирской летописи начала XIII в. Правда, в 2003 г. А. Никитин высказал гипотезу о западнорусском происхождении летописи, заменив Владимир-на-Клязьме Владимиром-Волынским². Так он откомментировал западные черты некоторых изображений, подмеченные исследователями уже давно. Однако еще О.И. Подобедова установила своеобразную «многослойность» ряда миниатюр, подвергавшихся правке и последующей дорисовке³.

¹ Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 131.

² См.: Никитин А. Тайны Радзивилловской летописи // Знание – сила. 2003. № 3. С. 17–19.

³ См.: Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965.

Сильвестровский сборник (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 53) в 216 пергаменных листов был, согласно традиционной точке зрения, создан в Новгородской земле во второй половине XIV в. На основании исследований палеографических данных и стиливых особенностей миниатюр в настоящее время датировка уточнена. Время создания рукописи – конец XIV в.¹ В XVI в. этим сборником смешанного состава владел писатель «Домостроя» Сильвестр (отсюда и название). Затем рукопись была увезена в Кирилло-Белозерский монастырь, которому и принадлежала. В нее входит двенадцать произведений, в том числе часть Толковой Палеи, Житие Симеона Столпника, апокрифы (напр., «Откровение Авраама»). Наиболее ценным считается список «Сказания о Борисе и Глебе» (впервые издан М.Н. Срезневским в 1860 г.).

В Радзивилловской летописи с рассказом о Борисе и Глебе соотносятся всего 12 рисунков (лл. 73–79), а в Сильвестровском сборнике 41 рисунок (лл. 117–154), на некоторых листах по 4 миниатюры. Но значительная часть иллюстраций тут посвящена посмертным чудесам, а не самой истории убийства князей.

При обращении к миниатюрам Радзивилловской летописи бросается в глаза отсутствие ключевой сцены – убийства Бориса в шатре. Ведь момент гибели князя и его верного отрока Георгия Угрина, закрывшего собой господина, принципиально важен. В современных изданиях памятников Борисоглебского цикла эту лауну порой заполняют рисунками Сильвестровского сборника, где имеют место целых четыре изображения сцены в шатре. Вообще неравномерность иллюстративного материала в летописи хорошо известна, хотя однозначный ответ на вопрос о причинах отсутствия столь важного рисунка едва ли возможен. Не исключена утрата этой части лицевого протографа, т. е. отсутствовал некий древний оригинал. Вряд ли следует искать объяснение в стремлении сэкономить место. Миниатюрам и иконописи свойственно совмещение в одной композиции нескольких эпизодов. Так, в одном из клейм московской житийной иконы Бориса и Глеба (вторая четверть XIV в.) одним планом представлено убийство Бориса в шатре, самоотверженность отрока Георгия, а также отрезание его головы посланцами Святополка Окаянного, не сумевшими иначе снять драгоценную гривну с шеи юноши. Если бы древние иллюстраторы стремились к компактности (а в их арсенале парные миниатюры), то не стали бы столь часто рисовать злодея Святополка и его беседы с исполнителями преступлений. Однако наблюдается неоднократное изображение убийц, предстоящих и как бы отчитывающихся заказчику в содеянном. Объяснение этому следует искать в желании визуализировать присутствующий в тексте летописи библеизм (Пс 9, 18): **Оканыи же възъзвратишас(я) вспят(ь), яко ж(е) реч(е) Д(а)в(и)дъ: «Да възъзвратятс(я) грешници въ адъ». Онем же пришедшимъ и поведавшимъ Святополку(вя), яко: «Богъворихомъ повеленъ наа тобою»².**

Убийство Бориса. Сильвестровский сборник

¹ Смирнова Э.С. О времени создания и некоторых особенностях миниатюр Сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике // Вертоград многоцветный: Сборник статей к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 213–224.

² Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр. М., 1994. С. 97.

Не исключено, что в выборе иллюстративного материала сказалось требование летописного жанра. Ведь не забыт эпизод убийства в Карпатах третьего брата – Святослава Владимировича, лишенного ореола мученичества. Сцены преступлений в древнерусских текстах, как известно, нарочито затянуты, многоэтапны. В миниатюрах же Радзивилловской летописи убийство Бориса «сокращено» до последнего удара варяжским мечом, т. е. показан финал преступления. И хотя нельзя полностью отрицать влияния на работу иллюстраторов летописи суммарного впечатления от текстов всего борисоглебского цикла, в данном случае следует исключить воздействие

Убиение Глеба. Сильвестровский сборник

Несторова чтения, где Бориса закалывают в сердце у шатра «в оторопе», а варягов там вовсе нет.

В Сильвестровском сборнике, напротив, заметна избыточность рисунков к одному эпизоду «Сказания». Например, четыре изображения роковой сцены в шатре и четыре миниатюры с ладьями в рассказе о гибели Глеба. Здесь убийцы представлены дружинниками (шлемы, щиты, копья), а отроки жертв лишены этих атрибутов воинов. Тут же присутствуют отдельные элементы иконографической символики (красные плащи, символизирующие кровь мучеников, княжеские шапки). Вообще рисунки Сильвестровского сборника более утонченные, выразительные, декоративные¹.

В летописных миниатюрах присутствует своеобразная изобразительная топика, клишированная форма передачи текстовой информации (однотипные ракурсы и композиционные решения). Возможно, сцена в шатре не входила в типовой реестр отработанных композиций. На несколько сотен рисунков условное изображение палатки или шатра встречается всего четыре раза. Одно из них на л. 77, где Глеб оплакивает Бориса, молится и появляются убийцы. А вот миниатюры с телегой, возком или санными можно отнести к иллюстративным топосам. Назовем некоторые из них: щедроты Владимира Святославича (с телеги раздают пищу); убийство Нерадцем отдыхающего Ярополка Изяславича; перевозка ослепленного Василька Тербовольского во Владимир-Волынский; доставка тела убитого заговорщиками Андрея Боголюбского из его резиденции во Владимир-на-Клязьме). Возница, а лучше ездовой, сидящий на коне, всегда повернут вполоборота назад, неизменен и жест его правой руки. Интересно, что эта же поза возницы присутствует и в Сильвестровском сборнике².

Сопоставление миниатюр сходной тематики показывает, с одной стороны, их жанровые отличия, диктуемые самим типом иллюстрируемого текста (летописная повесть / агиографическое произведение), с другой – нельзя не заметить,

¹ Исследователи полагают, что изображение убийства Бориса и Георгия Угрина по своей иконографии восходит к византийским изображениям убийства святого Димитрия Солунского и его юного ученика Луппа. См.: Смирнова Э.С. О времени создания и некоторых особенностях миниатюр Сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике. С. 221.

² В раннем средневековье кучер не восседал на облучке, а правил повозкой, сидя верхом на коне. Об этом можно судить, например, по одному из эпизодов Жития Феодосия Печерского, когда возница не узнает преподобного и предлагает ему самому управлять повозкой: «Чърноризъче! Се бо ты по вся дньи порозднь еси, азъ же трѹднь сый. Се не могу на кони ехати. Нъ сице сътвориве: да азъ ти лягѹ на возѣ, ты же могои на кони ехати» (Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в. М., 1978. С. 344, 346).

что миниатюристы руководствовались не только непосредственно текстом, к которому создавали рисунки. Средневековые художники опирались на комплекс сведений, почерпнутых из нескольких памятников цикла. Вот некоторые примеры. В летописной повести говорится о том, что завернутое в шатер тело Бориса везут в Киев. Неожиданно выясняется – князь еще жив. Тогда Святополк посылает двух варягов добить страдальца. Один из них «извлекъ мечъ и пронзе» Бориса «во сердце». Место действия не указано. В Анонимном Сказании тоже посланы двое: «И проводоста в сердце». Тут действуют оба варяга (двойственное число). Дело происходит в бору. На рисунках же все наоборот. В Радзивилловской летописи оба варяга наносят одновременно удар мечами. В Сильвестровском сборнике телегу догоняют два конных воина, но добивает Бориса только один, т. е. все изображено так, как об этом говорится в летописной повести. Напомним, что в Несторовом Чтении подобная сцена вообще отсутствует.

Убиение Глеба. Радзивилловская летопись

Варяги убивают Бориса. Радзивилловская летопись

Гибель Глеба в летописи иллюстрируется подробнее, нежели обстоятельства убийства его старшего брата. Быть может, это как-то связано со Смоленском (все происходит на Смедыни), о котором гипотетически высказывался А.А. Шахматов в связи с определением места создания Радзивилловской летописи¹. В своей «Символической истории европейского средневековья» М. Пастуро справедливо замечал: «В мире символического мышления подсказать часто важнее, чем сказать прямо, почувствовать важнее, чем понять, намекнуть важнее, чем доказать»². Юного Глеба убивают «яко агня безлобыва». Но условно-панегирический дискурс борисоглебских текстов в то же время позволяет говорить о конкретике описания и изображения.

В летописной повести повар предательски «зареза» Глеба, а в Сказании – «закла». Миниатюры же обеих рукописей изображают перерезание горла жертвы. Для сравнения: клеймо уже упоминавшейся житийной иконы московской школы второй четверти XIV в. воспроизводит закалывание Глеба в грудь. Повар-убийца и его жертва нарисованы лицом к лицу. И в Радзивилловской летописи, и в Сильвестровском сборнике повар показан сидящим в

Варяги убивают Бориса. Радзивилловская летопись

Варяги убивают Бориса. Сильвестровский сборник

¹ См. об этом: Шахматов А.А. Заметка о месте составления Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913. С. 73–74.

² Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2013. С. 22.

ладье сзади князя. Заметим, что подобная информация содержится только в Чтении. То есть данная композиция складывалась не без влияния текста, созданного Нестором. Перед нами еще одно свидетельство контаминации мотивов и деталей из разных памятников и их редакций.

В заключение предложим краткие выводы. В современной медиевистике нет единого мнения о хронологической последовательности появления основных памятников борисоглебского цикла¹. Рассмотрение книжных миниатюр в этом плане, к сожалению, не может дать убедительных и бесспорных результатов. Об этом свидетельствует и подобная попытка, предпринятая в свое время польским исследователем А. Поппэ². В книжных миниатюрах ощутимо взаимовлияние, а подчас некая контаминация свидетельств различных иллюстрируемых текстов, традиционно относимых к борисоглебскому циклу. И это несмотря на безусловное наличие определенных жанровых требований: летописного рассказа и житийной его трактовки. Отличие прежде всего касается изображения многочисленных чудес в Сильвестровском сборнике и, в меньшей степени, использования определенных клише при подборе эпизодов.

Несмотря на «агиографичность» иллюстрируемых текстов, в рассмотренных миниатюрах не наблюдается наличия системы особых символических приемов подачи образов (цвет, знаковые детали), присущих иконописи. Даже нимбы в изображениях святых страстотерпцев появляются не сразу. Если сравнивать иллюминированные рукописи с современной сюжетной графикой (или так называемым графическим романом), то к массовому жанру ближе окажутся борисоглебские миниатюры Сильвестровского сборника. Они гораздо полнее охватывают текстовый материал, их детализация ярче, а число рисунков в несколько раз больше, чем в Радзивилловской летописи.

ЛИТЕРАТУРА

- Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. 272 с.
- Никитин А.* Тайны Радзивилловской летописи // Знание – сила. 2003. № 3.
- Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья». СПб., 2013. 448 с.
- Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в. М., 1978. 413 с.
- Подобедова О.И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965. 366 с.
- Поппэ А.* О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXII. Л., 1966. С. 24–45.
- Ранчин А.М.* О статье А.Н. Ужанкова «Святые страстотерпцы Борис и Глеб. К истории канонизации и написания житий» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 3(9). С. 110–114.

¹ См., например, дискуссию между А.Н. Ужанковым и А.М. Ранчиным (*Ужанков А.Н.* Святые страстотерпцы Борис и Глеб: К истории канонизации и написания житий // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 28–50; 2001. № 1(3). С. 37–49; *Ранчин А.М.* О статье А.Н. Ужанкова «Святые страстотерпцы Борис и Глеб. К истории канонизации и написания житий» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 3(9). С. 110–114).

² *Поппэ А.* О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXII. Л., 1966. С. 24–45.

Смирнова Э.С. О времени создания и некоторых особенностях миниатюр Сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике // Вертоград многоцветный: Сборник статей к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 213–224.

Ужанков А.Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: К истории канонизации и написания житий // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 28–50; 2001. № 1(3). С. 37–49.

REFERENCES

- Kozlov V.P. (1988.) Circle of A.I. Musin-Pushkin and “Lay of Igor’s Warfare”. Moscow. 272 p.
- Nikitin A. Secrets of the Radziwiłł Codex. *Znanie – Sila*. 2003. No 3.
- Pastoureau M. (2013) Une histoire symbolique du moyen âge. St.-Petersburg. 448 p.
- Literature Monuments of Ancient Russia. The beginning of Russian Literature. The 11th – beginning of the 12th century. Moscow. 1978. 413 p.
- Podobedova O.I. (1965) Miniatures of Russian Historical Manuscripts. To the History of Russian Facial Annals. Moscow. 366 p.
- Poppe A. On the Role of Iconographic Images in the Study of Literary Works about Boris and Gleb. In: Proceedings of the Department of Ancient Literature. Vol. XXII. Leningrad. 1966, pp. 24–45.
- Ranchin A.M. On the Article by A.N. Uzhankov “Holy Martyrs Boris and Gleb. On the History of Canonization and Writing of Lives”. *Drevnyaya Rus: Voprosy Medievistiki*. 2002, No 3(9), pp. 110–114.
- Smirnova E.S. On the Time of Creation and Some Features of Miniatures of the Tale of Boris and Gleb in Sylvester compilation. In: *Vertograd Mnogotsvetny*. Collection of Articles on the 80th anniversary of Boris Nikolayevich Flory. Moscow. 2018, pp. 213–224.
- Uzhankov A.N. Holy Martyrs Boris and Gleb: On the History of Canonization and Writing of Lives. *Drevnyaya Rus: Voprosy Medievistiki*. 2000. No 2, pp. 28–50; 2001. No 1(3), pp. 37–49.

Сведения об авторе:

Алексей Аркадьевич Пауткин,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
apautkin@yandex.ru